

Делимся воспоминаниями ветеранов Новоуральска, опубликованными в городских газетах. Воспоминания о **Викторе Петровиче Блинкове**.

Командир взвода Красной Армии, лейтенант Виктор Петрович Блинков (1916 г.р.), воевал на Южно-Западном фронте. В самом начале Великой Отечественной войны, 28 сентября 1941 года, раненым попал в плен. За четыре года, пока длилась война, он прошел тяжелый путь по концлагерям смерти – Чеметохов (Польша), Вайден, Байройт, Нюрнберг (Германия), Ставерн, Берген (Норвегия). Из плена был освобожден 10 мая 1945 года норвежскими партизанами. Награжден Орденом Красной Звезды, Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Вот что он вспоминает о выпавших на его долю испытаниях.

СТРАШНЕЕ, ЧЕМ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ...

...В одном из боев я был ранен. Очнулся уже без часов и ремня. Двое наших солдат под конвоем немцев на носилках принесли меня в санпункт. Это было началом плена и мук.

Выстроив пленных на полевой дороге по четверо в ряд, колонну направили в Днепропетровск. Среди нас были раненые. Т ех, кто не мог идти, добивали на месте. Разместили нас в казармах военного городка, похожего на тюрьму. Спали прямо на полу без матрацев. Кормили гнилой вареной фасолью мутно-коричневого цвета, давали котелок воды на десять человек - и больше ничего, даже хлеба - ни крошки. Так мы прожили десять дней. За это время не раз водили на допросы и показывали зрелища на плацу, когда полицаи заставляли евреев бить друг друга. Побоища

продолжались часами. То была ужасная картина, хуже, чем последний день Помпеи...

По ночам, когда выходили в туалет, на лестницах часто спотыкались об упавших или умерших солдат. Было страшно жутко. Городок усиленно охранялся, но надежда на побег не угасала. Все думалось, как там мои Мария с Вовкой...

Через десять дней этапом по тракту нас перегоняли в Кривой Рог. Колонна растянулась на целый километр. Через каждые десять метров - по два автоматчика с собаками. Шли четыре дня, чтобы преодолеть 160 километров. По дороге кормили нас жители окрестных деревень. В основном женщины и девушки. На это их мобилизовало немецкое командование. Кто варил кашу, кто - галушки, кто - похлебку, и к нашему приходу жителей сгоняли на площадь или поле. Строго по одному мы подходили за порцией, добавки никто не просил: помнили, что последним могло не хватить. За добавку фашисты били плетью по лицу, хотя сами жили нашим хлебом. Это были последние дни на родной земле.

В Кривой Рог вошли рано утром. Колонну вели по главной улице. Немцы стреляли по окнам, если кто в них выглядывал. Прохожих – ни души. Слышен был только лай собак и «лай» конвоиров. Шаг влево или вправо равносителен смерти: немцы

стреляли без предупреждения. Пробыли в городе два месяца. Кормили кое-как: жидкой похлебкой или кашей два раза в день. Утром или вечером выдавали по 200 граммов хлеба или сухарь. Хлеб и другие продукты сухого пайка взвешивались на маленьких картонных весах. Одного пленного отворачивали, указывали на пайку и спрашивали: «Кому?». Повторно пайку никто не мог взять: за это могли убить.

В этот период в Кривом Роге отдельно содержался предатель - генерал-майор Сапиэсов. Он изучал арабские языки и готовился для отправки в Африку для обмена на офицера-немца.

Полицаи в Кривом Роге были самые свирепые. Они носили с собой резиновые шланги, залитые свинцом, и били ими пленных даже за косой взгляд.

Бытовые условия - не приведи Господь: воды в водопроводах не было. С начала плена ни разу в бане не мылись и не брились. В общем, жилось голодно и холодно.

В лагере был склад, о котором никто не знал. Я случайно на него наткнулся и обнаружил бочки с солеными бычками. Набивал карманы и уходил угощать ребят.

Через несколько дней они пронюхали, откуда я рыбу таскаю, и тоже повадились за «уловом». Немцы заметили убыль и склад забили: рыба, очень соленая и давнишняя, им не нужна была, но и нам в столовую они ее не дали. А голод - не тетка. Это невыносимое чувство, когда сосет под ложечкой, я запомнил на всю жизнь.

В середине декабря 1941-го нас погрузили в маленькие товарные вагоны без печек, по сто пленных в каждый. Окна забили, двери - на замки. Открывали их раз в день. И только для того, чтобы выдать хлеб (одну небольшую буханку на 20 человек), флягу с водой и вынести бочонок с естественными надобностями.

Под стук колес мы ехали в один из концентрационных лагерей Польши, навстречу нечеловеческим испытаниям и унижениям, а может быть, и смерти...

На снимке: Виктор Блинков, 1984 год.

Кокорин Ю. Страшнее, чем последний день Помпеи... / Юрий Кокорин // Нейва. – 2015. – 13 мая (№ 46). – С. 12 : фот.